

УДК 81'373(470.53)

DOI 10.18101/978-5-9793-1674-1-196-204

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗНОЙ ЛЕКСИКИ И ФРАЗЕОЛОГИИ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ ГОВОРОВ ПРИКАМЬЯ

© Подюков Иван Алексеевич

доктор филологических наук, профессор,

Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН

Россия, г. Пермь

podjukov@yandex.ru

В статье дается характеристика образной лексики и фразеологии, отмеченной в живой речи сельских носителей старообрядческой культуры Прикамья. Рассматриваются метафорические слова и выражения, компаративные обороты, называющие используемые культовые предметы, реалии религиозной жизни и быта старообрядческих согласий, оценивающие человека по его отношению к вере, комментирующие отдельные ситуации, связанные с обрядовой практикой отправления веры. Исследуются основания метафорических аналогий и особенности используемых в повседневной коммуникации носителей традиции культурных кодов — собственно религиозного (библейского), фито-, зооморфного, природного, семейного, артефактного и др. Делается вывод о своеобразии старообрядческой метафоры как одного из способов религиозного восприятия и осознания действительности и как способа закрепления в языке результата образно-метафорического структурирования знания о мире. Отмечается относительная метафорическая бедность старообрядческой устной речи, что связано с сохраняющимся изоляционизмом старообрядчества и личностными особенностями носителей старой веры.

Ключевые слова: образные средства языка, живая речь старообрядцев, метафорические модели, функции образных средств.

SPECIFICITY OF FIGURATIVE WORDS AND PHRASEOLOGY OF THE OLD BELIEVER SUBDIALECTS OF PRIKAMYE

Ivan A. Podyukov

Dr. Sci. (Philology), Senior Researcher Department of History,

Archaeology and Ethnography Perm Federal Research Centre UB RAS

Perm, Russia

podjukov@yandex.ru

The article characterizes figurative words and phraseology that exist in the the Old Believer live speech of rural native speakers of Prikamye. It describes metaphoric words and expressions and comparative structures that name the objects of cult, characterize the realities of the Old Believers religious and everyday life, estimate a person by his or her attitude to faith and comment on certain situations related to ritual practices. The work also observes the basis of metaphoric analogies and the specificity of cultural (religious or biblical, herbal, zoomorphic, natural, household, artifact, etc) codes used in everyday communication. The conclusion follows on the diversity of the Old Believers metaphor as a way of religious perception and understanding of reality as well as the way to fix in the language the result of the world knowledge imagery and metaphoric structuring. It is noted that the speech of the Old Believers is relatively poor in metaphors that can be explained by their continuing isolation and personal characteristics.

Keywords: figurative means, live speech of the Old Believers, metaphoric models, functions of figurative means

Ориентированная на эмоциональное воздействие, метафора отличается семантической диффузностью и нечасто применяется для выполнения собственно номинативной функции. Использование метафор как единиц с повышенными прагматическими функциями часто связано «с установками на соразмышление, совместное переживание событий и установление фатической коммуникации» [Аге-ев 2002: 10]. Исследователи отмечают слабую выраженность метафоричности в речи старообрядцев (известны даже протесты носителей традиции старообрядчества против метафорических выражений типа дождь идет [Кортава 2001: 248]). «Индивидуализм» носителей старой веры, такие личностные особенности старообрядцев, как замкнутость, твердость, направленность на «себя», независимость [Черных 2014: 33], очевидно, диктуют следование традиции, мотивируют обращение к стереотипным формам выражения. Поэтому метафорическое мышление, склонность к порождению образно-метафорических продуктов, наделенных яркостью и эмоциональностью, не вполне типичны для лингвистического сознания старообрядцев. В то же время старообрядчество представляет социум, члены которого отличаются владением общей системой специальных понятий, «специальным» знанием. Оно включает в себя элементы языка богословия, которое само по себе имеет ярковыраженную образную природу: «Метафора выступает «единственно возможным путем описания божественных реалий» [Шитиков 2012: 42]. Метафорическая природа языка богословия особенно видна в письменных текстах, авторами которых, прежде всего, являются представители старообрядческой писательской школы. В их сочинениях метафоры имеют полемичный заряд: призваны обосновать правоту вероучения, опровергнуть позицию идейных противников, запечатлеть наиболее яркие эпизоды истории согласия и жизни, связанных с ним подвижников.

Образный строй присущ и текстам прикамской рукописной литературы (апокрифы, духовные стихи, эсхатологические тексты, родословия), хотя, по наблюдениям Л. С. Соболевой [2005]), их также отличает четкость, ясность, простота языка. Образная аскетичность, сохранение традиции «простоговорения» проявляется в повседневной, живой устной речи старообрядцев, которая во многом ориентируется на выражение содержания и поэтому по большей части конкретна. Впрочем, изменения последнего времени в словаре старообрядческих говоров указывают на постепенное изменение языковой традиции, увеличение репертуара образных средств и экспрессивных форм.

Тематические группы образных номинаций

Набор образно-метафорических средств языка (лексики, фразеологии) в старообрядческих говорах достаточно разнообразен. Это названия сакральных культовых предметов, обрядов, связанных как с отправлением веры, так и с жизненным циклом людей, образное представление постулатов, характерных для носителей древлеправославия, эмоционально окрашенные оценки человека. Многие образные средства не только называют и оценивают, но и символически комментируют и концептуально характеризуют предметы, действия, ситуации с точки зрения носителей веры. Так, восприятие бытия человека в его целостности, органичное включение в повседневный жизненный уклад религиозных верований и

категорий иллюстрирует метафорическое название «устои» для частей тела человека, к которым прикладываются при совершении крестного знамения: «Нельзя мимо устоев нести крест, надо сильно, чтоб чело слышало, когда крестишься» (Кын, Лысьвенский район). В широком употреблении словом *устои* называют опоры, на которых держится *что-л.*; в книжной речи это обозначение основ, начал, принципов чего-либо (морали, нравственности и пр.). Причина придания соматического смысла названию *устои*, с одной стороны, мотивируется соотношением физического аспекта значения слова с глаголом устоять (сохранить положение тела в пространстве, несмотря на действие каких-нибудь сил). Название также содержит ассоциации с сохранением стойкости в убеждениях, в поведении (устои есть то, что устоялось, прочно укоренено, проверено временем). Для носителя веры значимым оказывается религиозное восприятие частей тела, которые связаны с исполнением обряда. При крестном знамении, которое предваряет начало каждого дела, совершается начертание креста на теле прикосанием и движением руки к челу, низу груди и к плечам как свидетельство того, что все, что мы делаем, происходит во славу распятого Христа. Прикладыванием двухперстия ко лбу символически выражается главенство Бога Отца, к животу—беспорочное зачатие Иисуса Христа во чреве Пречистой Девы. Касание правого плеча указывает на место Христа в Царствии Божьем, движение руки к левому плечу напоминает о том, что на Страшном суде грешникам будет уготовано место слева от Судии. Знамение связано, таким образом, с основной догматикой веры — распятием и последующим воскресением Христа.

Во многих метафорических номинациях прослеживается перенесение признаков с предмета на предмет по сходству функции. Так, слово рубашка используется в старообрядческой среде в качестве названия чехла (обычно из светлой ткани, с пуговицами или завязками) для хранения религиозных книг: «У меня все книги в рубашках, сама шью, тут пуговицы застегивать» (Сепыч, Верещагинский район). Близкое значение слово имеет в полиграфической среде: бумажная обертка книги поверх переплета или обложки, суперобложка. Использованная аналогия одежды для верхней части тела человека с защитным чехлом частично персонифицирует книгу, подчеркивая тем самым ее высокий статус, идеализирует и придает названию обереговый смысл (аналогично застегкам на книгах, также «оберегающим» книги от темных сил [Романова 2007: 86]). Сплетенный из лыка чехол для хранения свеч называют *пестерь*: «Свечи накатают, и чтобы не ломались, идешь на собор, в пестере специальном носили из лыка» (Федосеевка, Верещагинский район). Обычно в говорах так называют большую корзину для переноски травы, сена, мякины, заплечный короб из бересты (отмечены и другие значения: 'долбленный деревянный сосуд для хранения меда', 'небольшая корзина, лукошко', 'род ковшика из бересты', 'сумка для продуктов', 'котомка, мешок', 'плетеный кузов на санях или телеге', 'футляр из бересты для бруска' [СРНГ 26: 311–312]). Использование сугубо хозяйственной аналогии для названия культового предмета не приводит к его обытовлению, поскольку связано с характерной для старообрядчества сакрализацией повседневности. Аналогично применяется слово *лепешка* как обозначение разновидности старообрядческого креста-тельника округлой, без острых углов формы (обычно у женщин): «Крест лепешка это у женщин, там тоже Иисусова молитва» (Осинцево, Кишертский

район). Уподобление креста, носимого как знак веры и верности Христу и как благодатной защиты, плоскому круглому печеню из муки не снижает значимости сакрального предмета, не профанизирует его, а выражает органичную включенность его в повседневную жизнь (кресты у старообрядцев редко представляют собой дорогое ювелирное украшение, что связано с известным аскетизмом веры).

Распространенное название подручника (коврика для молений) — *Богова подушечка* («Подрушник он для чистоты рук, Богова же подушечка», Лысьва) содержит не только метафорическую аналогию, но и концептуально значимую идею спящего Бога. Представление Бога спящим (наделение его человеческими свойствами) встречается еще в Библии («В изображении спящего (бездействующего) Бога, которого надо разбудить, выражаются человеческие эмоции, а не богословское понимание Бога» [Райкен, Уилхойт, Лонгман 2005]). Впрочем, прилагательное *Богов* воспринимается не только как притяжательное ‘принадлежащий Богу’, но и в относительном значении: как в ярославском *Богово масло* ‘лампадное масло’, сибирском *Богова свеча* ‘свеча для молений’ [СРНГ 3: 43].

Редки в речи старообрядцев образно-экспрессивные характеристики человека (особенно неодобрительные, что связано с запретом осуждать другого). Шутливо-иронические образные характеристики могут быть основаны на характерных для носителей веры стереотипах. Так, название скрытного, малообщительного человека *мастрадья* («*Вот мастрада-та, сидит дома, глаз не кажет на люди*»; Новоселово, Карагайский район) связано с деонимизацией частотного у старообрядцев в прошлом женского имени *Мастридия*, *Мастрида* (считается, что святая дева-отшельница Мастридия Александрийская выколола себе челноком глаза, которые своей красотой прельщали мужчин). Выбор редкого, вышедшего из обращения имени святой подчеркивал отделенность старообрядцев от мира; в наши дни старообрядцы отказываются от изоляционизма, более либеральны по отношению к другим культурам. Название-каламбур *Кержакостан* для места, где компактно проживают старообрядцы (используется и старообрядцами в свой адрес, и православными: «*На какой-то едине живем. Называют тут нас Кержацкой лог, кто Кержакостан*»; Кын, Лысьвенский район), имеет аналогии с азиатским географическим названием (ср. современное шутливо-ироническое *Бульбостан* о Республике Беларусь — от *бульба* ‘картошка’).

С помощью образных аналогий характеризуются способы исполнения принятых ритуалов. Выражение *мух гонять* («*Никоньяне не молятся, только мух гоняют*»; Ильинское) является иронической оценкой способа моления, принятого в православии, которая задана уподоблением небрежного полагания крестного знамения, частого и быстрого переkreщивания отмахиванию от навязчивых мух. Сами старообрядцы при нанесении крестного знамения верят только во «внятное» (т. е. не машинально-бессознательное) прилагание руки при исполнении знамения: «*Крест надо распускать обязательно, конец, аминь тут значит. Никониане-то крестятся, руку-то машут, дьявол-то их там и имат. Если крестятся правильно, ангел Господень стоит возле него, а второй неправильно крестится, до рамы не доносит, до плеча, бес-от его и гладит, по-нашему*»; Лысьва). Выражение *Богу гореть* со значением ‘молиться с особым духовным настроением, усердием’ подчеркивает суть моления как предстояния Богу, встречи с

ним: «*Когда Апостолов читают, надо стоять, когда свечи затепливают, пение, стоять надо. У католиков, у них же беседочки сделаны, сижка молятся. Да как гореть Богу, отдавать веру, чувства сидя-то? Стоя надо, только стоя!*»; (Лысьва). Глагол *гореть* окрашивает оборот своим переносным значением 'быть взволнованным, охваченным сильным чувством, ощущать особое возбуждение'.

Группа метафорических обозначений содержит образные характеристики разного рода ситуаций, с которыми связаны значимые для носителей религиозной традиции представления, нормы и правила. Космическая метафора *Земля с небом сойдутся* указывает на конец времен, жизни, отражая характерный для старообрядчества эсхатологизм и концептуально характеризуя сущность смерти: «*Вот, если бы Бог допустил (а он пока не допускает), то земля и небо вместе сойдутся, все, конец жизни*» (Ефремова, Юрлинский район); «*Смерть какая? — А вот что, умер — и небо с землей сошлось, больше ничо*» (Кукольная, Юрлинский район). Сюжет о соединении неба и земли в конце времен, в свете представления о гибели мира связан с мифическим образом двучастного вертикального членения мироздания (смерть представляется здесь как исчезновение этой вертикали, слияние противопоставленных точек мирового устройства).

Выражение *базар святит* (чистит) используется как своеобразное оправдание при употреблении продуктов, приобретенных на базарах без обрядового их очищения («*Когда с рынка едят, говорят: «Базар святит»; (Кудея); «Базар чистит, что куплено на базаре — не погано*»; (Пильва, Куединский район). Базар, место розничной торговли продуктами питания и другими товарами, воспринимается как не связанная с официальной властью, не организованная, а создаваемая по правилам саморегуляции среда, где в торговле главенствует естественный отбор и личная инициатива. Он понимается здесь не только как чистое, не связанное с грехом место, но и как самодовлеющая сила (косвенно эту силу подмечает поговорка *Базар цену скажет, близкая к Бог цену строит*). Распространенное выражение *Базар чистоту любит* оформляется в старообрядческой среде в *базар чистит* и отражает особенности предпринимательской морали старообрядцев, которые считали, что сами по себе деньги — прелесть (то, что прельщает), что возрастание богатства нужно направлять на благие дела.

Культурные коды в образных номинациях

Создание исследователями образных аналогий описывается в соответствии с разными типами метафорических моделей, представляющих когнитивный процесс осмысления действительности, отраженный в сознании носителей языка в виде некоторых схем связи между разными понятийными сферами. Это фитоморфная модель, по которой создаются растительные метафоры, зооморфная, метеорологическая, физиологическая, соматическая, артефактная модели [Силенко, Суспицына 2013].

Особое место в речи старообрядцев занимает религиозная тема, область божественного, которая остается одним из основных источников образных средств. Религиозный код включает образное переосмысление номинаций реалий религиозной жизни, обрядовых ритуалов, использование сакральных цитат и сюжетов. Так, слово *ангел* используется как обращение к близкому, дорогому; к маленькому («*Заходи, ангел мой, в избу-то*»; Григорьевское, Нытвенский район); сравнение *ровно ангел* — как оценка кроткого человека («*Ведь ровно ангел малинкой*

то был, а вырос беспослушной»; Сива). Характеристика табака ладан дьяволу («Мне на дух его не надо, табак. Раньше говорили — это де ладан дьяволу, табак-от»; Рассоленьки, Лысьвенский район) выражает неприятие табачного зелья и, как в разнообразных древнерусских текстах повестей о табаке, отталкивается от представления о черте, дьяволе как организаторе распространения табака [Бровкина 2020: 18].

Название места счастливой жизни человека — *Назарет* основано на образе священного города, где прошли детство и юность Иисуса Христа, третьего по значимости города после Иерусалима и Вифлеема: *«Папа ее безумно, мне кажется, маму любил. И они очень дружно жили. Вот в таком Назарете выросла. Я говорю — в стерильных условиях. А потом всю деревню нас раскулачили, выселили всех»* (Лысьва). Характеристика счастливого детства строится на отсылке к биографии Сына Божья (его детской жизни в простой и бедной обстановке, но в любви своих родителей, среди цветущих лилиями холмов, пальмовых и масличных рощ). Название маленькой детской шапочки *кукуль* («*кукуль умиряет ребенка, он как под Богом*»; Култаево, Пермский район), как и название новорожденного кукуленок («*Девки, кукуленок у нее снова родился*»; Большой Букор, Чайковский район) восходит к названию подхимника — головного убора монахов в виде капюшона *куколь* (кукуль), символизирующего Божье покровительство. Глубинное основание переноса значения — восприятие монахов как детей Христа, которые носят куколь, чтобы «младенствовать», как младенствует Превечный («Кто не будет как дитя, не внидет в Царствие Небесное» — Евангелие от Матфея, 18, 1–3).

За библейскими образами и сюжетами, включаемыми в образную сферу, могут сохраняться исходные смыслы, свидетельством чему является выражение *как тать в ночи*. Использованное в тексте Нового завета выражение *яко тать в ночи* (первое послание апостола Павла к фессалоникийцам) в широком употреблении подверглось десакрализации, стало иносказательной характеристикой того, кто подобно вору незаметно, неожиданно подкрадывается, угрожая опасностью. В старообрядческих говорах сравнение используется прежде всего для характеристики сроков пришествия Господня: *«Страшный суд будет внезапно как тать в ночи — сказано. Ляжем спать, а раз — и все»* (Кын, Лысьвенский район).

Природно-космической метафорой мотивируется название конечной части лестовки — небо («*На ленте сто простых ступеней, бобочки. Еще три ступени в начале, три в конце и три великих ступени в середине, это как девять чинов ангельских. От начала, от земли до первой великой ступени — двенадцать бобочек, что обозначает двенадцать апостолов. После третьей великой ступени и до конца, до неба, идут семнадцать ступеней, семнадцать пророчеств о Христе*»; Верещагино). Перенос значения здесь определяется религиозным значением слова *небо*: ‘место, пространство, где, по религиозным представлениям, обитают бог, ангелы, святые’. Вместе с обозначением начальной части лестовки *земля* моление по лестовке оценивается как духовное восхождение вверх, к Богу.

Растительный код демонстрирует выражение *от первой веточки* ‘от истока, от начала’ («*Нашей-то веры от первой-то веточки совсем мало людей остается. В Писании это написано, что на последнее время несколько человек останется, может, сохранятся. Исповедаться не у кого будет. К березке подойдут, испо-*

ведаются у березки. И кто слабый духом, то, конечно, перекинется. А кто сильнее, тот все равно останется»; Лысьва). Аналогия ветки, отростка дерева, растения с временем и жизнью, их представление в категориях растительного мира опирается на мифологическую идею единства человека и живой природы. Время, жизнь мира являются труднодостижимой реальностью; как само древо, так и отдельные ветви, соединенные с общим стволом, связаны с историей рода, символизируют разделенность чего-то некогда единого и многообразие в едином [Пучкова 2018: 263].

Примером использования орнитоморфного («птичьего») кода для создания условных образов может служить сравнение *жить аки птица* («*Живу аки птица, люди помогают*»; Мокино, Нытвенский район) в значении «жить не думая о земном, преходящем; жить, служа Богу». В выражении использован заимствованный из старославянского языка сравнительный союз *аки* («как; как бы, подобно»), придающий сравнению высокий смысл. Подобное оформление этого сравнения используется и в поэзии («*Аки птица взмываешь в небушко...*»; песня Д. Ревякина из репертуара группы «Калинов мост»). Птицы часто выступают как элемент религиозно-мифологической системы, как особые мифопоэтические классификаторы и символы божественной сущности, неба, жизни, души, как существа, питающиеся от Бога («*Взгляните на птиц небесных, они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницу — <так в тексте!>; и Отец ваш Небесный питает их*»; Евангелие от Матфея 6: 26). Образ птиц небесных как посредников божественной воли оказался органичен для русской культуры: в русской разговорной речи эта сентенция фигурирует как собственно русская пословица, без ссылок на Библию [Дубровина, Кутьева 2009]. Еще один пример обращения к образам птиц — шутивное название блюда в пост — курица из заваренной кипятком муки: «*Я научилась курицу заваривать. Муки заваришь, с водой ее замешаешь — вот и курица*» (Григорьевское, Нытвенский район; похожее шутивное «облагораживание» скромной пищи отмечено в собственно пермских говорах: *рябчик* «печенная на костре картошка»).

Продуктивным при создании метафор является семейный код, перенос на старообрядческий социум идеи дома, терминов родства. Семья выступает для обозначения не только тех, кто объединен кровным родством или браком, но и единомышленников, людей одной общественной среды. Семейная метафора мотивирует названия старообрядческой общины типа *братия* («*Братия осудит кто родителей не чтит*»; Пермь), о Христе братия о сообществе строгих (крепких) старообрядцев («*Крепкие староверы — это о Христе братия*»; Кын, Лысьвенский район). Модели семейных отношений перенесены на связи в социуме в обращении к Богу как к Отцу (именно отец как старший член семьи, наделенный высшей властью, является символом защиты и покровительства, связан с выделением обособленной индивидуальности из универсального потока бытия [Арапов 2014]). Обозначение *святые отцы* о святых, внесших вклад в религиозное учение, его распространение, известно как титул угодивших Богу людей, особо почитаемых за праведность: «*Когда молюсь в людях, нечестивых много, можешь и не выстоять, сам падешь. Молилась я, девятины справляла, все пали, не могут встать, а я давай отцов святых призывать: «Отче Паисий Великий, отче Сергий, Серафим Саровский, Макарь Египетский, Семеон Столпник, отче Луко, Ни-*

кита, отче Даниле, отче Олимпий, отче Нихонте, преподобный Савва, Корнелий Блаженный, Святитель Никон, отгоните всю нечестивую силу, помогите падшим грешникам встать, и мене, чтобы выстоять, благословите. Аминь, Аминь. Аминь». Вот проговоришь сам себе три раза, вот, глядишь, они встают, и я не захворала» (Бырма, Кишертский район). Приведенное в рассказе перечисление имен святых отцов напоминает списочные тексты заговоров, где каждый носитель имени оказывается связан с определенным кругом возможностей, а их объединение обеспечивает силу и универсальность обращения (упомянутый Паисий Великий известен как святаой, которому приписывается дар прозорливости и чудотворений; удалившийся на шестьдесят лет в пустыню Макарий Египетский прославился добродетельной жизнью; раскаявшийся грешник Нифонт Кипрский помогает противостоять греховным помыслам). Тему отца реализует и титул наставника, духовника (духовного отца) в согласии *благословенный отец («Благословенные отцы, они распоряжаются в собраниях при богослужении и отправляют службы и требы»*; Лысьва). Обычно это старшие авторитетные члены сообщества, которых община избирает на совершение богослужений. Известна в говорах еще одна форма названия духовника — *отчим*, которое содержит переосмысление обозначения неродного отца. Контекст показывает, что выбор этой формы связан с учетом основного религиозного смысла слова *отец* (Бог): *«Мы только вместе с настоятелем, поклон, так поклон, земной, так земной. Мы считаем, настоятель — отчим. Раз отец это Бог, то наставник—это отчим. Все ведь правила знает»* (Лысьва).

Представлена в образных именовании и материнская тема, которая отражена в названии монахини (инокини) — *матушка*: *«Вот раньше к матушкам ходили, как к монашкам-то сказать. У нас матушки называют. Они день и ночь ведь молились. Отдельно жили. Я помню, со мной села по правую сторону: тебе если что-то надо, проси святителя Николу и никогда без внимания не останешься, никогда»* (Лысьва). Обычно матушками называют духовно наиболее совершенных сестер в женских монастырях, которые могут выступать наставницами для менее опытных сестер.

Своеобразие словаря старообрядческих говоров заключается, как известно, в разнообразии заимствований (прежде всего из старославянского и греческого языков). С их помощью обозначаются многие религиозные понятия, обряды, религиозные праздники, религиозная атрибутика. Как показывает состав образно-метафорической лексики и фразеологии старообрядческих говоров Пермского края, еще одной особенностью можно считать специфический характер образности — ее религиозную тематику, направленность на интерпретацию категорий веры. Метафора — не только способ выражения новых значений, это особая форма организации мысли и способ расширения содержания знаний о мире и его объяснения. Достаточно жесткие рамки старообрядческого вероучения в известном смысле препятствуют принципиальным изменениям мышления и мировоззрения. Тем не менее разнообразные факты метафорического творчества свидетельствуют об изменениях в старообрядческой речи, активизации в ней образных и экспрессивных средств.

Acknowledgements The study was carried out at the expense of Russian Science Foundation grant (project 19-18-00117 "Russian Traditional Culture in the Areas of Active Interethnic Contacts between Ural and Volga Regions").

Источники

1. Словарь библейских образов: [справочник] / под общ. ред. Лиланда Райкена, Джеймса Уилхойта, Тремпера Лонгмана III; ред.-консультанты: Колин Дюриес, Дуглас Пенни, Дэниел Рейд; [пер.: Скороходов Б. А., Рыбакова О. А.]. СПб.: Библия для всех, 2005 (ГУП Тип. Наука). 1423 с. URL: <http://www.azbyka.ru> (дата обращения: 15.08.2021).
2. СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 26. Л.: Наука, 1991. 350 с.
3. СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып.3. Л.: Наука, 1968. 360 с.

Литература

4. Агеев С. В. Метафора как фактор прагматики речевого общения. АКД. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2002. 18 с.
5. Арапов А. В. Метафорический язык в священных текстах // Человек и культура. 2014. № 1. С. 1–16. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=10757.
6. Бровкина Т. В. Древнерусские повести о происхождении табака: проблемы истории текста и текстовой организации: дис. ... канд. филол. наук. Сыктывкар: Изд-во Сыктывк. гос. ун-та им. Питирима Сорокина, 2020. 309 с.
7. Дубровина К. Н., Кутьева М. В. Образ птицы: от Библии к художественному тексту // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Лингвистика. 2009. № 1. С. 69–77.
8. Кортава Т. В. Словесная школа Выговской пустыни как отражение языковых и культурных традиций допетровского времени // Структура и семантика. Т. 1. М., 2001. С. 240–248.
9. Пучкова Е. В. Символический культурный код *дерево* в русском языке // Эпоха науки. 2018. № 14. С. 261–265.
10. Романова Н. И. Книжная культура старообрядчества // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2007. № 2. С. 82–91.
11. Силенко О. Г., Суспицына И. Н. Метафора в религиозном дискурсе // Лингвокультурология. 2013. Вып. 7. С. 135–147.
12. Соболева Л. С. Рукописная литература Урала: в 2 кн. Кн. 1–2. Очерк первый: Рукописный облик устного слова. Очерк второй: Рукописная традиция строгановского региона (Сер. «Очерки истории Урала». Вып. 36, 37). Екатеринбург, 2005. 452 с.
13. Черных Н. П. Личностные особенности старообрядцев // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 5. С. 31–36.
14. Шитиков П. М. Религиозная метафора в свете когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов: Изд-во Тамбовск. гос. ун-та им. Г. Р. Державина, 2012. № 3. С. 40–42.